

УДК 343.2

ТЕОРИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ПРЕОБЛАДАЮЩАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

© Котенев Т.Х., Идрисов И.Т.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация*

e-mail: timka23-06@mail.ru

Общеизвестно, что институт соучастия основывается на трех концепциях: аксессуарной теории, теории самостоятельной ответственности и смешанной теории. Необходимо подчеркнуть, что в настоящее время УК РФ основан **на смешанной теории**, но преобладающее значение отводится теории самостоятельной ответственности. Так, в ст. 33 УК РФ в первую очередь выделяется исполнитель преступления. В ч. 5 ст. 34 УК РФ ответственность соучастников ставится в зависимость от ответственности исполнителя.

В то же время, в соответствии со ст. 36 УК РФ, за эксцесс исполнителя другие соучастники преступления уголовной ответственности не подлежат. Далее, в ч. 1 ст. 34 УК РФ сказано о том, что ответственность соучастников преступления определяется характером и степенью фактического участия каждого из них в совершении преступления. Действия организатора или подстрекателя могут быть признаны смягчающими обстоятельствами, если их действия не привели к предотвращению совершения преступления согласно ч. 5 ст. 31 УК РФ. В соответствии с ч. 4 ст. 31 УК РФ пособник преступления не подлежит уголовной ответственности, если он предпринял все зависящие от него меры, чтобы предотвратить совершение преступления.

Интересно положение содержится и в ч. 2 ст. 67 УК РФ, где сказано о том, что смягчающие и отягчающие обстоятельства, относящиеся к личности одного из участников, учитываются при назначении наказания только этому соучастнику. Речь идет об учете обстоятельств исключительно при назначении наказания, что не позволяет сделать вывод о дифференциации уголовной ответственности сложных соучастников, ответственность же исполнителей дифференцируется в статьях Особенной части УК РФ самостоятельно. Между тем уголовный закон не запрещает такую дифференциацию. Такое положение вещей нарушает принцип равенства граждан перед законом и приводит к возникновению споров в теории и практике.

Верховный суд указал, что нормы уголовного закона не препятствуют квалификации действий соучастников и исполнителей преступления по разным статьям и разным частям одной и той же статьи Особенной части Уголовного кодекса РФ в зависимости, в том числе, от **мотива** их преступного поведения, от целей, которые они преследовали, участвуя в преступлении. Действия Г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ переквалифицировала с ч. 3 ст. 33, п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 105 УК РФ, указав, что «мотив» (с целью скрыть другое преступление), которым, в действительности, руководствовался организатор убийства – Г., был скрыт от исполнителя М., и, следовательно, мотив Г. в данном случае не влияет на правовую квалификацию его действий, поскольку он (Г.) исполнителя М. к квалифицированному убийству А. не склонял [1].

Похожую ситуацию можно представить и при наличии **экцесса исполнителя**. Инкриминирование квалифицирующих признаков сложным соучастникам в таком случае не происходит. Приведем следующий модельный пример. А., выступил подстрекателем к совершению кражи в особо крупном размере. Б. согласился ее совершить, однако вместо особо крупного размера, по независящим от Б. обстоятельствам, ему удалось совершить хищение в крупном размере. В таких ситуациях подстрекательские действия нельзя признать оконченными, но наличествует самостоятельный состав преступления у Б. Таким образом, налицо неоконченное соучастие, а значит А. должен понести ответственность за приготовление к краже в особо крупном размере, а Б. должен быть привлечен к ответственности за кражу в крупном размере.

Частичный **разрыв акцессорной теории** видится в так называемых специальных составах института соучастия. Речь идет, к примеру, о содействии террористической деятельности. По общему правилу, сложные соучастники должны быть конкретно или абстрактно осведомлены о совершаемом исполнителем преступлении. Террористическая же деятельность настолько абстрактна, что роль сложных соучастников размывается в общем составе деятельности, как это имеет место в организованных группах и преступных сообществах, где все соучастники фиктивно признаются соисполнителями. Думается, что это, как раз, и является одной из причин выделения специального состава для сложных соучастников, чтобы избежать проблем при написании формулы квалификации. Наличие же специального состава уже говорит о самостоятельной ответственности соучастников.

Трудности при квалификации возникают при наличии **административной и уголовной преюдиции**. А., ранее подвергнутое административному наказанию за нанесение побоев, начал наносить побои Б. В. давал Б. советы относительно того, в какую часть тела наносить удары. Проблема кроется в умысле соучастников. Предлагаю квалифицировать указанное деяние следующим образом. Если умыслом сложного соучастника охватывался тот факт, что лицо уже было привлечено к административной ответственности за нанесение побоев, и он оказал содействие исполнителю, то сложное соучастие налицо, если же нет, то привлечь к ответственности его нельзя даже по административному кодексу, так как КоАП не предусматривает соучастие в правонарушениях. Более того, такое «соучастие», на мой взгляд, не обладает признаком общественной опасности, следовательно, акцессорная связь в таком случае разрывается. Также следует и поступать в случае наличия у лица судимости за ранее совершенное преступления, к примеру, по ч. 6 ст. 134 УК РФ.

Трудности при квалификации возникают со **сложными соучастниками, обладающими признаком служебного положения**. Приведем следующий пример. А., являясь специальным субъектом и обладающий служебными полномочиями, подстрекает Б. совершить мошенничество. Б. совершает преступное деяние. Вопрос состоит в возможности вменения квалифицирующего признака «с использованием служебного положения» исполнителю. Во всех случаях такое вменение невозможно. Если речь идет про подстрекателя, то, очевидно, вменить такой признак ему нельзя, ведь он не оказывает влияния на объект с этим признаком при выполнении объективной стороны. В случае, если специальный субъект выступил пособником или организатором и пособником одновременно, то исполнитель мог осознавать, что служебное положение пособника может быть для него полезным. Однако в ч. 3 ст. 159 УК РФ речь идет только о «своем» служебном положении, следовательно, данный признак исполнителю вменить не получится. То есть, в соответствии с данной частью, признаком служебного положения должен обладать исключительно исполнитель.

Таким образом, из уголовного поля утекает служебное положение, косвенно влияющее на объективную сторону исполнителя, совершившего мошенничество, но присутствует самостоятельный состав у сложного соучастника по ст. ст. 285 286 УК РФ. Тут, как видно, также идет речь о самостоятельной ответственности исполнителя, несмотря на наличие служебного положения со стороны сложного соучастника.

Теория самостоятельной ответственности основана на теории **необходимого причинения**, суть которой в том, что вопрос об ответственности за наступившие последствия может быть поставлен и положительно решен лишь тогда, когда эти последствия были необходимыми, закономерными последствиями совершенного лицом действия, имели в нем свое основание. Данная теория преобладает в уголовном праве. На это не раз указывала О.С. Капинус [2]. Данное же понимание причинно-следственных связей основано на **диалектическом понимании мира** во взаимосвязи явлений и процессов. Следовательно, господство теории самостоятельной ответственности соучастников в уголовном праве является очевидным.

Теория и практика представила такое количество примеров, что грубое применение акцессорной теории приведет лишь к объективному вменению (к примеру, когда сообщник обладает признаками субъекта преступления, но это не осознается) и нарушению принципу равенства (отсутствие норм о дифференциации уголовной ответственности соучастников). Между тем, самостоятельная ответственность подстрекателей, пособников и организаторов привела к идее о ненужности института соучастия. Такое критическое суждение высказывал в свое время И.Я. Фойницкий [3]. Усложнение общественных отношений, выразившееся в разнообразии способов совершения преступлений, привели к такому положению, когда необходимость применения **принципа полноты квалификации** привела к доминированию данной теории.

Однако в чистом виде теория в нашем законодательстве не применяется, а необходимость института соучастия видится в усилении уголовной ответственности из-за высокой общественной опасности групповых преступлений. Следовательно, можно сделать вывод о том, что **отечественный институт соучастия базируется на смешанной теории при господстве теории самостоятельной ответственности.**

Библиографический список

1. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 8. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/newsletters/5113> (дата обращения: 09.04. 2023).
2. Капинус О.С. Квалификация преступлений: учебное пособие для вузов. 2-е изд. М.: Юрайт, 2022. 204 с.
3. Фойницкий И.Я. Уголовно-правовая доктрина о соучастии. М.: Юридический Вестник, 1891. 423 с.